

Глава 58 (Экстра 2)

Следующий день выдался пасмурным, и они вдвоём встали почти в полдень, после обеда планировали отправиться на прогулку.

"Дедушка, ты не хочешь пойти погулять?" — Спросил Лу Жун дедушку Цая, сидевшего во дворе.

Дед Цай посмотрел на небо: "Кажется, пойдёт дождь, всё ещё хотите погулять?"

"Мм, я давно здесь не был, хочу пройтись по магазинам."

Дедушка Цай сказал: "Иди за покупками, я не пойду. Захвати зонтик, чтобы не промокнуть."

"Хорошо."

Пройдя весь путь вдоль небольшой речки недалеко от дома, через некоторое время пошёл настоящий дождь, а температура внезапно понизилась. Дождь был не сильный, а мелкий и туманный, над рекой поднимался холодный водяной пар. Они вдвоём, держа зонтики, медленно прогуливались по набережной.

"Было бы здорово, если бы мы не теряли связь на столько лет, — Лу Жун склонил голову на плечо Шэнь Цзицзе. — Я плавал в этой речушке каждое лето на летних каникулах, а дедушка сидел на камне у реки. Я всегда думал: Чем сейчас занимается мой гэгэ? Было бы здорово, если бы мой гэгэ остался со мной..."

Шэнь Цзицзе держал зонтик в одной руке, а Лу Жун — в другой, молча представляя подобную картину.

В начальной школе Лу Жун бы использовал маленькую записную книжку, чтобы записывать в неё тех, кто над ним издевался, дабы тот защитил. Хотелось, чтобы тот присутствовал на его выпускном в средней школе, наблюдал, как он сидит среди одноклассников и фотографируется, демонстрируя чопорную и застенчивую улыбку. В старших классах он сказал, подавая заявление, что не пропустит ни одного важного события в своей жизни.

Если бы так произошло, тот мог бы сопровождать маленького мальчика в взрослении, наблюдая, как медленно растёт его фигура, как на нежном личике проступают черты подростка, он не отсутствовал в его жизни столько лет.

Лу Жун с грустью в глазах смотрел на речную гладь, по которой капали маленькие капли дождя. В этот момент Шэнь Цзицзе неожиданно протянул ему зонтик: "Возьми."

Как только Лу Жун взял зонт, он увидел, как Шэнь Цзице снимает с себя одежду на ходу, оставив только пару чёрных трусиков, обнажил сильные и гладкие мышцы. Затем под его ошеломлённый взгляд с глухим звуком погрузился в реку.

Река расплескалась и вновь утихла, Шэнь Цзице вынырнул, провёл рукой по лицу и одарил Лу Жуну, стоявшего на берегу, красивой улыбкой.

"Жун-Жун, гэгэ поплавает с тобой, — он убрал мокрые волосы со лба назад, и хотя на его лице играла улыбка, тон стал немного серьезным. — Этим летом твой гэгэ сопровождает тебя поплавать в этой реке."

Подул порыв ветра, и капли дождя косо упали на руку Лу Жуну в коротком рукаве, немного холодя её. Он хотел, чтобы Шэнь Цзице поскорее вышел, чтобы сказать: Всё ещё идёт дождь, река холодная, — но, глядя в его сияющие глаза, молчал, лишь смотрел на человека в реке, поджав губы и улыбаясь.

Через несколько секунд он положил одежду Шэнь Цзице под большой камень, прикрыл её от дождя зонтиком, разделся до нижнего белья и побежал вниз к реке.

"Ох," — в момент, когда холодная река коснулась его тела, он крикнул и чуть не превратился в оленя на месте.

Шэнь Цзице поспешно сказал: "Вылезай, вылезай быстрее, вода слишком холодная."

К счастью, вода была настолько холодной, что, плавая взад и вперёд несколько минут, он ничего не чувствовал. Внезапно нырнув в воду, тайком подплыл обратно, схватил Шэнь Цзице за икру и потянул вниз. Шэнь Цзице повернулся и нырнул в воду, дабы поймать его, так началась водная битва.

Дождь становился всё сильнее и сильнее. Кто-то прошёл по набережной с зонтом, придерживая того двумя руками, покрытыми гусиной кожей. Глядя на двух людей, резвившихся на ветру и под дождём, в центре реки, прохожий заключил: Эти молодые люди настоящее зло.

Летний дождь начался и быстро закончился. К тому времени, когда они вдвоём вышли на берег, дождь прекратился и из-за облаков выглянуло солнце.

"Жун-Жун, я хочу пойти в храм, где мы заключили брак," — Шэнь Цзице натянул брюки на голые ноги и сказал с улыбкой во весь рот.

Лу Жун тоже ухмыльнулся: "Пойдем, посмотрим."

Несмотря на то, что деревни Лунцюань больше нет, этот храм превратился в

достопримечательность. Хотя туристов здесь пока немного, в городе есть небольшие автобусы, поднимающиеся на гору. Шэнь Цзицзе, надев солнцезащитные очки и шляпу, вместе с Лу Жун подошли к автобусной остановке и, заметив, что микроавтобус вот-вот отправится, сели в него.

Извилистая дорога, по которой раньше мог проехать только один автомобиль, была расширена до двухполосной, а дорожное покрытие стало очень ровным. Лу Жун сидел рядом с Шэнь Цзицзе, спрятав руки под короткими рукавами.

У обоих температура тела стала ниже после купания, гораздо комфортнее для лета. Лу Жун положил голову на плечо Шэнь Цзицзе, удобно закрыв глаза, нежно провёл пальцем по внутренней стороне чужой руки, ощущая нежную кожу.

Шэнь Цзицзе сжал его пальцы и прошептал: "Куда тянешь свои ручки, маленький извращенец?"

Лу Жун не открыл глаз, только поджал губы, показав две неглубокие ямочки на щеках.

Микроавтобус припарковался на стоянке рядом с центром реабилитации, они вдвоём вышли из машины. Шэнь Цзицзе посмотрел на отремонтированный сестринский корпус неподалеку и указал на окно на втором этаже, спрашивая: "Ты помнишь?"

Лу Жун знал, что тот говорит об иллюзии строительной площадки, когда они были детьми, поняв его слова, он сказал: "Конечно, я помню."

Шэнь Цзицзе похлопал его по плечу и покачал головой, словно вздыхая: "Ты победил Чжу Чжао, мы больше никогда не увидим этих призраков в своих иллюзиях."

Лу Жун странно спросил: "Ты что, скучаешь по ним?"

"Не скучаю, — Шэнь Цзицзе причмокнул губами. — Просто иногда напряжение во время съемок бывает слишком велико, и мне хочется пойти и поколотить их после во сне, чтобы расслабиться."

Эти двое смотрели в окно и вполголоса переговаривались. Неподалеку мужчина в халате из центра сестринского ухода не сводил с них настороженного взгляда. Когда Шэнь Цзицзе огляделся, мужчина направился к офису службы безопасности, словно в анклав.

"Пойдем, пойдем, это плохой парень, он собирается найти охранника," — видя, что ситуация складывается не из лучших, Лу Жун остановил Шэнь Цзицзе и поспешно покинул стоянку.

Они бежали рука об руку, словно порыв ветра, и вскоре выбежали за территорию восстановительного центра, остановившись только тогда, когда позади перестали мелькать

люди. Тяжело дыша, замедлили шаг и направились в сторону деревни Лунцюань.

Место, где ранее находились поля, превратилось в густые леса, а на месте деревни была построена ферма. Шэнь Цзице немного постоял у входа в деревню, схватил молчавшего Лу Жунуа, и прошептал: "Пойдем, поднимемся на гору к храму."

Поднявшись по каменным ступеням с задней части горы, вскоре увидели внутренний двор, а также зелёные древние деревья у ворот, ничем не отличающиеся от тех, что были более десяти лет назад.

Но когда они вдвоём вошли, то обнаружили, что внутри произошли большие перемены. Изразцовый дом, в котором жил сам мастер Хун, отремонтирован, использовались кирпичи зелёного цвета и красная черепица, деревянные окна стали резными, в них всё ещё сохранилось немного античного колорита. Храм слева, посвященный трём богам и Юэ Лао, переделали в более величественный: высокие карнизы и большие колонны перед крыльцом придают двору немного торжественности.

"Амитабха (1)..." — раздался голос позади них, они оба оглянулись и увидели толстого монаха в коричневой рясе, шедший к ним, нахмутив брови и прищутив глаза.

(Амитабха или Амита Будда — святой, принимающий под своё крыло любого, вне зависимости от происхождения, добродетелей или положения.)

Он был аккуратно одет в монашескую рясу, в руке держал нить чёток, его осанка напоминала позу преуспевающего монаха, скрывающегося в горах и лесах. Если бы не морщины на его лице и большой живот, они почти не узнали бы в этом человеке мастера Хуна.

"Путники, покрытые пылью и грязью, прибыли издалека? Пройдите в боковой зал и отдохните за чашкой крепкого чая."

Несмотря на то, что это напоминало диалог героев костюмированной драмы, китайский весьма стандартный. Лу Жун и Шэнь Цзице посмотрели друг на друга с удивлением.

Они оба не произнесли ни звука, и мастер Хун ни о чём не спрашивал, а только перебирал чётки в руке, всё также хмуря брови и сосредоточенно глядя на них, его лицо выражало спокойствие.

"Э-э, мастер Хун, а у вас сейчас нет цыплят?" — Наконец Лу Жун нарушил молчание.

Курятник в углу двора исчез, и в этом месте был небольшой пруд, в котором плавало несколько жирных карпов.

Брови мастера Хуна приподнялись, и он, наконец, поднял глаза, чтобы впервые взглянуть на

людей напротив. Он быстро прошёлся по лицам этих двоих, дабы убедиться, что они не знакомы, его взгляд продолжил скользить по логотипу их роскошной одежды.

"Бедный монах купил у фермеров цыплят, которых должны были обезглавить, и позже всех отпустил, — на лице мастера Хуна по-прежнему сияла вселенская улыбка, его тело излучало свет Будды. — Если вы с ними встретитесь — это судьба, созданная Буддой. Этот водоём с рыбами для очищения от грехов, рыба в нём также куплена бедным монахом у рыбака. Рыбак прожил здесь несколько лет, но успел осветиться Буддой."

Лу Жун: ???

Не думай, что я не видел, как ты сидел рядом с палаткой помощи пострадавшим от стихийных бедствий и грыз куриные ножки и тушеную свинину.

Шэнь Цзицзе улыбнулся и повернулся посмотреть на храм позади себя, спрашивая: "Мастер Хун, три статуи и Юэ Лао до сих пор здесь? Кстати, глаза божественной статуи съели цыплята, вы же пригласили мастеров с горы Цюю, чтобы вставить новые чёрные драгоценные камни?"

Мастер Хун, застигнутый врасплох, непонимающе посмотрел на них, словно пытаясь что-то вспомнить. Через некоторое время он похлопал себя по бедру: "Это вы двое! Двое детей, которые пришли поклониться Богу вместе!"

"Верно мастер, вы помните," — сказал Шэнь Цзицзе с улыбкой.

"Как же я могу не помнить? За эти годы появилось много детей, поклоняющихся Богу, но только вы двое стояли перед молельным залом этого старика."

Мастер Хун мгновенно перестал говорить стандартно и перешёл на диалект.

"О, я уже давно не встречал туристов, а вы так неожиданно пришли, что я поспешно накинул халат," — мастер Хун начал снимать свою мантию, обнажая маленький белый халатик с открытым животом.

"Мастер, вы только что так хорошо произносили слова, что одурачили нас, — Лу Жун с улыбкой произнёс, — ваш китайский более стандартный, чем у учителей в нашем городе."

"Просто смотри больше сериалов, особенно фильмов о боевых искусствах. В них в основном снимаются настоятели храма Шаолинь, — господин Хун повернулся и пошёл к дому. — Пойдём в дом, выпьете чай и прогуляетесь по окрестностям."

Они не стали отказываться и последовали за мастером Хун.

Войдя, мастер Хун подал две чашки травяного чая и сказал: "Вы, дети, стали такими большими, что я не узнал вас, если бы не сказали. Ох, время летит так быстро."

Лу Жун, взяв чай, улыбнулся, и тот сказал ему: "Я помню тебя, ты внук деда Цая. Ты обычно отпускал моих цыплят и гонялся за ними."

Лу Жун улыбнулся и извинился не очень искренне, но мастер Хун не стал возражать, а лишь спросил: "Вы вернулись с работы на неполный рабочий день? Глядя на эту фирменную одежду, я почти подумал, что ты иностранный босс, и в глубине души возрадовался."

"Я работаю неполный рабочий день, но он мой начальник," — Лу Жун жестом позвал Шэнь Цзицзе, стоявшего рядом с ним.

Шэнь Цзицзе всё также был в тёмных очках и кепке, сидел на диване, не говоря ни слова.

"Звучит хорошо, ты открыл ресторан на улице или занимаешься чем-то другим? Многие жители города открыли рестораны после переезда, они зарабатывают немного денег," — произнёс мастер Хун.

Лу Жун не ответил на его вопрос, а только оглядел комнату, сказав: "Мастер, вы тот, кто заработал много денег. Посмотрите на ремонт этой комнаты."

"Это благодаря достопримечательностям. Когда туристов будет больше, аромат благовоний будет сильнее. Кстати, вы двое здесь для того, чтобы поклониться Богу? Сейчас приглашено много бессмертных, у нас теперь есть огромный выбор: настоящий Кайшен (2), а вон там есть небольшая комната Иисуса."

(Бог богатства или Кайшен — мифическая фигура из народной китайской религии и даосизма.)

Высказав то, о чём он думал, начал смеяться: "Вы были такими забавными в детстве, действительно ходили поклоняться Юэлао, хахаха... Вы пришли, чтобы поклониться и заключить брак, два маленьких ребенка поклонялись небу и земле... Хахахахахаха..."

Чем больше он говорил, тем счастливее становился. Вдоволь насмеявшись, он понял, что Лу Жун и Шэнь Цзицзе не смеются вместе с ним. Они просто смотрели на него с прежним выражением лица, поэтому ему оставалось встать, вытереть слёзы с уголков глаз и тихо сказать: "Пойдёмте, я отведу вас двоих поклониться богам. Кому вы собираетесь поклониться?"

"Поклониться и загадать желание у Юэлао," — беспечно произнёс Шэнь Цзицзе.

....

В недавно отреставрированном зале несколько статуй богов больше не казались расплывчатыми как в прошлом, теперь у них чёткие черты лица и яркая раскраска.

Лу Жун и Шэнь Цзицзе преклонили колени на футоне перед статуей Юэлао, воскурили благовония и трижды поклонились. Положив благовония, Шэнь Цзицзе достал из бамбуковой корзины, стоявшей перед ним, красную веревку и взял левую руку Лу Жуна, привязав её к белому запястью.

В бамбуковой корзине лежат красные веревки, ароматические палочки, золотые слитки и т.д. Этот набор для поклонения Юэлао, купленный у мастера Хуна, стоит 199 юаней.

Завязав красную веревку, Шэнь Цзицзе не опускал руку, а держал Лу Жуна за запястье, видя, как прекрасно красная веревка гармонирует со светлой кожей. Ощущение совсем другое, и он не мог не почувствовать колебания собственного разума, поэтому наклонился и поцеловал парня.

Раздался стук.

Они оба подняли глаза, мастер Хун в смущении держался за дверной косяк, он колебался: "Мои ноги соскользнули, Юэлао всё ещё очень эффективен, хехехе, эффективен, хехехе..."

Шэнь Цзицзе уже снял солнцезащитные очки и кепку, повернул голову и улыбнулся ему, услышав эти слова: "На самом деле, серьёзно, я должен поблагодарить мастера за то, что мы вместе."

Мастер Хун выглядел немного ошеломленным, говоря: "Нет, нет, в этом нет моих заслуг, это моя обязанность — служить людям."

Шэнь Цзицзе с улыбкой встал и потянул Лу Жуна за собой. Они не сразу вышли, а отошли в сторону, дабы посмотреть на три другие статуи.

Первые две заново покрашены, их цвет — ярко-красный и зелёный, черты лица также изменились, на них всё те же два румянца, выглядящие праздно. Лу Жун некоторое время смотрел на них и не мог понять, имеет ли это какое-то отношение к его предкам. Он действительно не мог справиться с мрачной ностальгией, поэтому повернулся и смотрел на Шэнь Цзицзе.

"Все эти статуи — плод воображения," — Шэнь Цзицзе ущипнул его за плечо.

Взгляд Лу Жуна упал на третье божество, и внезапно заметил, что с ним что-то не так: человек одет в красную мантию и чёрную шляпу, в руке держит большой золотой слиток, он явно отличался от других.

Мастер Хун, казалось, понял его мысли и объяснил: "Бог, ранее наслаждавшийся благовониями в этом храме, вернулся в западный чертог, и, поскольку место освободилось, Кайшен пригласил в боковой зал рядом с собой другое божество."

Шэнь Цзицзе прищурился и сказал, улыбаясь: "Мастер Хун, мы, давно знакомы, поэтому нам не нужно говорить такие вещи."

Мастер Хун помолчал и сказал: "Однажды статуя, стоявшая на этом месте, внезапно упала, и я не смог её склеить."

Шэнь Цзицзе и Лу Жун посмотрели друг на друга, спрашивая: "Когда это произошло?"

"Всего несколько месяцев назад, — мастер Хун коснулся своей лысой головы. — Это показалось мне странным, я часто осматривал скульптуру, но, за исключением глаз, на ней не было углублений его теле, не знаю, что произошло, но та внезапно пала."

"Рухнула — и Бог с ним, это даже хорошо, может быть, он не подходит этому храму и не достоин получать благовония," — Шэнь Цзицзе развернулся и взглянул на оставшиеся две статуи, внезапно в его сердце зародилась догадка.

"Будда Амитабха... — Мастер Хун сложил руки вместе. — Под взором Богов и Будд я не должен говорить ничего лишнего."

"Можешь отвести нас посмотреть на рухнувшую статую?" — Спросил Шэнь Цзицзе.

"Она на заднем дворе."

"Тогда давай пойдём и выйдем на задний двор посмотреть на неё."

Мастер Хун открыл рот, выражение его лица было слегка смущенным: "Бог вернулся в западный чертог, куски грязи — не часть божества..." — Он поперхнулся, увидев насмешку в глазах Шэнь Цзицзе, проглотил слова, сами рванувшиеся из его рта, и просто сказал правду: "Грязь очень липкая, я взял её и наклеил на свинарник на заднем дворе, дабы починить стену."

Лу Жун и Шэнь Цзицзе почтительно склонились перед двумя статуями и зажгли ароматические свечи, толщиной в детскую руку.

Лу Жун продекламировал в своём сердце: Мои предки и предки дяди Бая, мы с дядей решили проблему с Чжу Чжао, не волнуйтесь. Пожалуйста, также благословите дедушку и гэгэ, а также Ту-гэ, дядю Бая и дядю Чэнь, пусть они будут здоровы...

После завершения, они вышли во двор, и Шэнь Цзицзе достал свой кошелек, чтобы

расплатиться.

"Просто отсканируйте код, по знакомству, дам скидку 30%," — господин Хун достал свой телефон, ища код для оплаты.

Шэнь Цзицзе опустил голову, просмотрел на код, одними губами произнес: "Когда я вернусь, найду кого-нибудь, кто отремонтирует ваш храм и придаст новую форму двум статуям."

Мастер Хун был так потрясен, что едва смог удержать телефон в руках: "Это.. это.. хотите изменить форму..."

"Да, но средства не будут переведены вам, я пришлю кого-нибудь лично, — Шэнь Цзицзе оплатил подношения Юэлао и трём богам и с улыбкой выключил телефон.

"Хорошо, хорошо, хорошо."

Они уже собирались спуститься с горы, как мастер Хун преградил им путь: "Давайте поедим, поужинаем здесь. Посмотрите на рыбу в пруду. Она жирная и нежная, а тушеная она самая ароматная."

Лу Жун отказался, сказав, что дедушка всё ещё ждет их дома, мастер Хун собрал корзинку с арахисом и яйцами и попросил Лу Жуна отнести это к деду. Когда они расстались на каменных ступенях, тот вдруг крикнул им в спины: "Кажется, я видел вас по телевизору, вы... вы..."

Лу Жун обернулся и громко перебил: "Я не актер, и мой гэгэ никогда не играл в «Легенда о любви», он также не занимается прыжками в воду и баскетболом."

"Я знаю, я не видел тебя, я видел твоего гэгэ по телевизору!" — Произнёс господин Хун.

В этот момент Шэнь Цзицзе тоже обернулся. Хотя на его лице не было никакого выражения, он слегка приподнял подбородок, демонстрируя гордость и облегчение от того, что его наконец-то узнали.

"Сегодня в полдень в новостях сообщалось, что руководители провинций посетили наши рестораны. Повар в одном ресторане выглядел точно также, как твой гэгэ!" — Мастер Хун хлопнул себя по лбу и взволнованно произнёс.

Шэнь Цзицзе равнодушно отвернулся и пошёл вниз с горы, на тыльной стороне его ладони вздулись синие вены, а ножка солнцезащитных очков, за которую он держался, почти оторвалась.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326887>